

**В ПОИСКАХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ЭЛЬДОРАДО:
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ФИННЫ
В СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ
1930-Х ГОДОВ**

**А. В. ГОЛУБЕВ
И. Р. ТАКАЛА**

Алексей Голубев

**В поисках социалистического
Эльдорадо: североамериканские
финны в Советской
Карелии 1930-х годов**

«Нестор-История»

2019

УДК 93/94
ББК 63.3(2)615

Голубев А. В.

В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / А. В. Голубев — «Нестор-История», 2019

ISBN 978-5-4469-1642-9

В начале 1930-х гг. примерно шесть с половиной тысяч финнов переехали из США и Канады в Советскую Карелию. Республика, где в это время шло активное экономическое и национальное строительство, испытывала острую нехватку рабочей силы, и квалифицированные рабочие и специалисты из Северной Америки оказались чрезвычайно востребованы в различных отраслях промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и культуре. Желая помочь делу строительства социализма, иммигранты везли с собой не только знания и навыки, но еще и машины, инструменты, валюту; их вклад в модернизацию экономики и культуры Советской Карелии трудно переоценить. Несмотря на это, многие из них были арестованы и расстреляны во время сталинских репрессий или отправлены на принудительные работы в трудовые армии НКВД во время Великой Отечественной войны. На основе обширного источникового материала, включающего архивные документы, прессу и интервью с иммигрантами, авторы раскрывают причины и ход финской иммиграции из США и Канады в Советскую Карелию, дают комплексную оценку их вклада в экономическое и культурное развитие республики, анализируют отношения между иммигрантами и местным населением, знакомят с судьбами представителей финской диаспоры в годы репрессий и войн. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)615

ISBN 978-5-4469-1642-9

© Голубев А. В., 2019
© Нестор-История, 2019

Содержание

Предисловие авторов	7
Введение	9
Глава 1	16
«Американская лихорадка»	16
Миграция на восток	22
Красные финны и карельская автономия	26
Глава 2	32
Особенности иммиграционной политики советской власти	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Голубев, Ирина Такала

В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов

Авторизированный перевод с английского А. С. Роговой

Проект выполнен при поддержке программы «Project Completion Award»
Колледжа свободных искусств и социальных наук Хьюстонского университета

Первое издание книги: Alexey Golubev and Irina Takala. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. East Lansing, MI: Michigan State University Press; Winnipeg, MB: University of Manitoba Press, 2014. 236 p.

© А. В. Голубев, 2019

© И. Р. Такала, 2019

© А. С. Рогова, перевод, 2019

© Издательство «Нестор-История», оформление 2019

Предисловие авторов

Идея написания этой книги родилась в ходе работы авторов в двух научно-исследовательских проектах, посвященных истории иммиграции финнов из США и Канады в Советскую Карелию в 1920-1930-х гг. Судьбы этих людей представляют значительный интерес как сами по себе, так и в контексте бурной и трудной мировой истории первой половины XX в. Они дважды пересекли Атлантический океан, сперва переехав в Новый Свет из родной Финляндии в поисках лучшей жизни, а оттуда вернувшись в Европу – на этот раз в СССР, который привлек их обещанием справедливого общества и лучших условий для работы, жизни, воспитания и образования детей, а также возможностью сохранить свой язык, культуру и идентичность. Североамериканские финны привезли в Советскую Карелию очень нужные республике инструменты, машины, технологии, финансовые средства, благодаря чему удалось модернизировать целые отрасли местной экономики. Для карельского руководства образование и профессиональные навыки иммигрантов были важны не только с точки зрения экономической модернизации: они должны были стать агентами культурной и социальной трансформации местного общества. В Карелии финнами-иммигрантами была создана уникальная культура, основанная на финском языке, революционных надеждах и социальных идеалах, однако, едва оформившись, эта культура и многие из ее носителей стали жертвами жестокой репрессивной политики сталинского государства.

Неудивительно, что эта история вызвала интерес у исследователей из Финляндии, России, США и Канады. С 2006 по 2009 г. авторы этой книги принимали участие в канадско-финляндско-российском проекте «Missing in Karelia: Canadian Victims of Stalin's Purges» (2006–2009 гг., руководитель проф. Варпу Линдстрём, Йоркский университет, Канада, при поддержке Исследовательского совета социальных и гуманитарных наук Канады), целью которого являлся сбор информации о деятельности и судьбах финнов, приехавших в Карелию из Канады в начале 1930-х гг., а также создание одноименного сайта. Параллельно нами осуществлялся другой научно-исследовательский проект «Североамериканские финны в Советской Карелии в 1920 – 1950-е гг.» (2007–2008 гг., руководитель доцент ПетрГУ Ирина Такала, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда), который был посвящен исследованию более широкого круга вопросов, связанных с иммиграцией североамериканских финнов в Советскую Карелию и их влиянием на культурное, экономическое и социальное развитие республики. Вопросы эти до сих пор не получили достаточного освещения в исторической науке, остаются неизвестными и судьбы сотен переселенцев, многие из которых стали жертвами политических репрессий и этнических чисток, проводившихся в СССР в конце 1930-х гг. И даже в Карелии, где происходили исследуемые события, лишь очень немногие знают о тех людях, которые строили республику и которые в начале двадцатого столетия дважды меняли отечество в поисках своего Эльдорадо.

Многолетняя работа, прежде всего в архивах и библиотеках Петрозаводска, позволила нам предложить заинтересованному читателю свою реконструкцию истории североамериканских финнов в Советской Карелии 1930-х гг. Первоначально книга вышла в свет в 2014 г. на английском языке, в издательствах университета штата Мичиган (США) и университета Манитобы (Канада). Данное издание представляет собой авторизированный перевод, осуществленный А. С. Роговой при финансовой поддержке Колледжа свободных искусств и социальных наук Хьюстонского университета (College of Liberal Arts and Social Sciences, University of Houston). В ряд разделов авторы внесли существенные изменения по сравнению с англоязычным вариантом, учитывая новые исследования, появившиеся после 2014 г., а также специфику аудитории и национальные особенности академического письма.

Книга не могла бы появиться на свет без помощи очень многих людей, и мы хотим поблагодарить коллег по проектам и всех тех, кто помогал нам в работе советами, доброжелательными отзывами о публикациях и просто дружеским участием.

Мы многим обязаны Варпу Линдстрём, чье стремление создать международный исследовательский коллектив для изучения истории иммиграции финнов из США и Канады в Карелию было, пожалуй, ключевым фактором, подтолкнувшим нас к написанию этой книги. Нам чрезвычайно жаль, что уже слишком поздно лично выразить ей всю нашу благодарность. В рамках руководимого ею проекта «Missing in Karelia» мы смогли поставить и обсудить самые разные исследовательские вопросы на конференциях в Канаде, Финляндии, России и Швеции. Много полезных идей и предложений мы получили во время этих встреч от наших канадских коллег Бёрье Вяхмяки, Евгения Ефремкина и Саамиры Сарамо.

Нашими основными партнерами в Финляндии, чья помощь и поддержка очень помогли нам в работе, были Маркку Кангаспуру, Тимо Вихавайнен, Ауво Костийнен и Дмитрий Фролов. Мы также хотим поблагодарить Алексиса Погорельский, Стеллу Севандер, Джениву Вискеманн, Ника Барона, Тадео Лиму и, конечно же, наших коллег по Петрозаводскому государственному университету: Илью Соломеща, Александра Осипова, Ирину Нестерову, Нину Сабурову, Елену Фотину, Александра Толстикова и многих других.

К Мейми Севандер и Эйле Лахти-Аргутиной, к величайшему сожалению, наша благодарность уже не дойдет.

Мы также чрезвычайно признательны сотрудникам архивов и библиотек, где мы работали с источниками, и организациям, предоставившим нам свои материалы. В 2002 г. Кинематографическая ассоциация Северной Карелии (Финляндия) начала снимать фильм об американских финнах в Карелии, для которого в течение 2002–2003 гг. студенты из Йёнсуу и Петрозаводска под руководством Йоуко Аалтонена (Juhani Oja) записали несколько интервью с иммигрантами, живущими в Карелии. Эти материалы оказали неоценимую помощь в процессе написания книги. Основная часть архивной работы была проделана в Национальном архиве Республики Карелия. Наша огромная благодарность за помощь и содействие его сотрудникам: Ольге Жариновой, Елене Усачёвой, Людмиле Макаревич и Лидии Котович. Иллюстрации для книги были любезно предоставлены Национальным архивом и Национальным музеем Карелии, а также Вейкко Лекандером (пос. Чална, Карелия).

Отдельной благодарности заслуживает переводчик нашей книги Анастасия Рогова, чья работа существенно ускорила появление русскоязычного издания.

И, конечно, мы очень благодарны научным фондам и организациям, поддержавшим нашу работу: Исследовательскому совету социальных и гуманитарных наук Канады, Российскому гуманитарному научному фонду, правительству Республики Карелия, фонду Герды Хенкель (Германия), Александровскому институту Хельсинкского университета и колледжу свободных искусств и социальных наук Хьюстонского университета.

Эта книга посвящена всем иммигрантам, строившим в трудных условиях Республику Карелия, и всем тем, кто безвинно погиб здесь, попав в жернова Большого террора.

*Ирина Такала, Алексей Голубев
Петрозаводск – Хьюстон, апрель 2019 г.*

Введение

Люди на протяжении всей своей многовековой истории постоянно перемещались. Со временем миграционные процессы усложнялись, принимали новые формы, появлялись новые побудительные мотивы. В XIX–XX вв. широкое распространение во всем мире получила трудовая эмиграция – переселение из одних, преимущественно бедных стран в другие, богатые и индустриально развитые, с тем чтобы найти на новом месте более выгодные условия жизни и труда. Исторически сложилось так, что Новый Свет был центром притяжения для многочисленных миграционных волн. Экономические и политические возможности делали США и Канаду исключительно привлекательными для иммиграции странами. В XIX и начале XX в. основные миграционные потоки из Европы шли именно в Америку, прежде всего в США. С 1815 по 1930 г. 54 млн европейцев переехали за океан, из них в США примерно 37 млн, в Канаду около 5 млн, остальные – в Южную Америку и Австралию¹.

Северная Европа не осталась в стороне от этого процесса: на рубеже XIX–XX вв. Норвегия и Швеция лидировали в Европе по числу эмигрантов. Из всех европейских стран уровень эмиграции тогда был выше только в Ирландии. Число шведов, покинувших страну с 1851 по 1930 г., составило 1,2 млн человек. Почти все они переехали в Америку, где в начале XX в. жил каждый пятый швед². С 1880-х гг. до начала Первой мировой войны перебрались в США и примерно полмиллиона норвежцев³. Тогда же на американском континенте начала формироваться финская диаспора. В период с конца 1860-х по 1914 г. из Финляндии в Северную Америку переехало свыше 300 тыс. человек (10 % населения страны)⁴.

В начале XX в. наряду с экономическими факторами мощными ускорителями миграционных процессов стали революционные потрясения и гражданские войны, охватившие Россию и ряд европейских стран. Появление на карте мира нового политического образования – Советской России, провозгласившей себя государством рабочих и крестьян, – привело к возникновению нового феномена: миграции, основанной на идеологических установках. Впервые в истории десятки тысяч людей, привлеченные образом справедливого социалистического общества, пересекали Атлантику в «обратную» сторону, с запада на восток, стремясь в СССР.

Несмотря на риторику всеобщего равенства, иммиграция в СССР основывалась на неясной иерархии. Высшую, хотя и достаточно небольшую прослойку этого миграционного потока составили политэмигранты – наиболее привилегированная группа иммигрантов, покинувших свои страны по политическим мотивам. Среди них были такие видные деятели международного рабочего и коммунистического движения, как известный венгерский философ-марксист Дьёрдь Лукач, будущий генеральный секретарь Исполкома Коминтерна и первый коммунистический лидер Болгарии Георгий Димитров, будущий президент Демократической республики Вьетнам Хо Ши Мин и многие другие. Эти люди пользовались целым рядом льгот, предоставляемых советским правительством, поскольку они должны были стать проводниками коммунистических идей в своих странах и во всем мире. Однако самой многочисленной группой иммигрантов стали иностранные рабочие и специалисты, ехавшие в СССР помогать советским людям строить светлое коммунистическое будущее. Большинство из них были искренни в своих намерениях: вера в социализм была сильна в те годы среди многих рабочих во всем мире, а потрясавшие Европу и Америку экономические кризисы только укрепляли эту веру. К сожалению, надеждам этих людей не суждено было сбыться. Крах иллюзий и разочарование

¹ Baines D. Emigration from Europe, 1815–1930. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1995. P. 2.

² Lindquist H. A History of Sweden: From Ice Age to Our Age. Stockholm: Norstedts, 2006. P. 592–593.

³ Danielsen R. Norway: A History from the Vikings to Our Own Times. Oslo: Scandinavian University Press, 1995. P. 274.

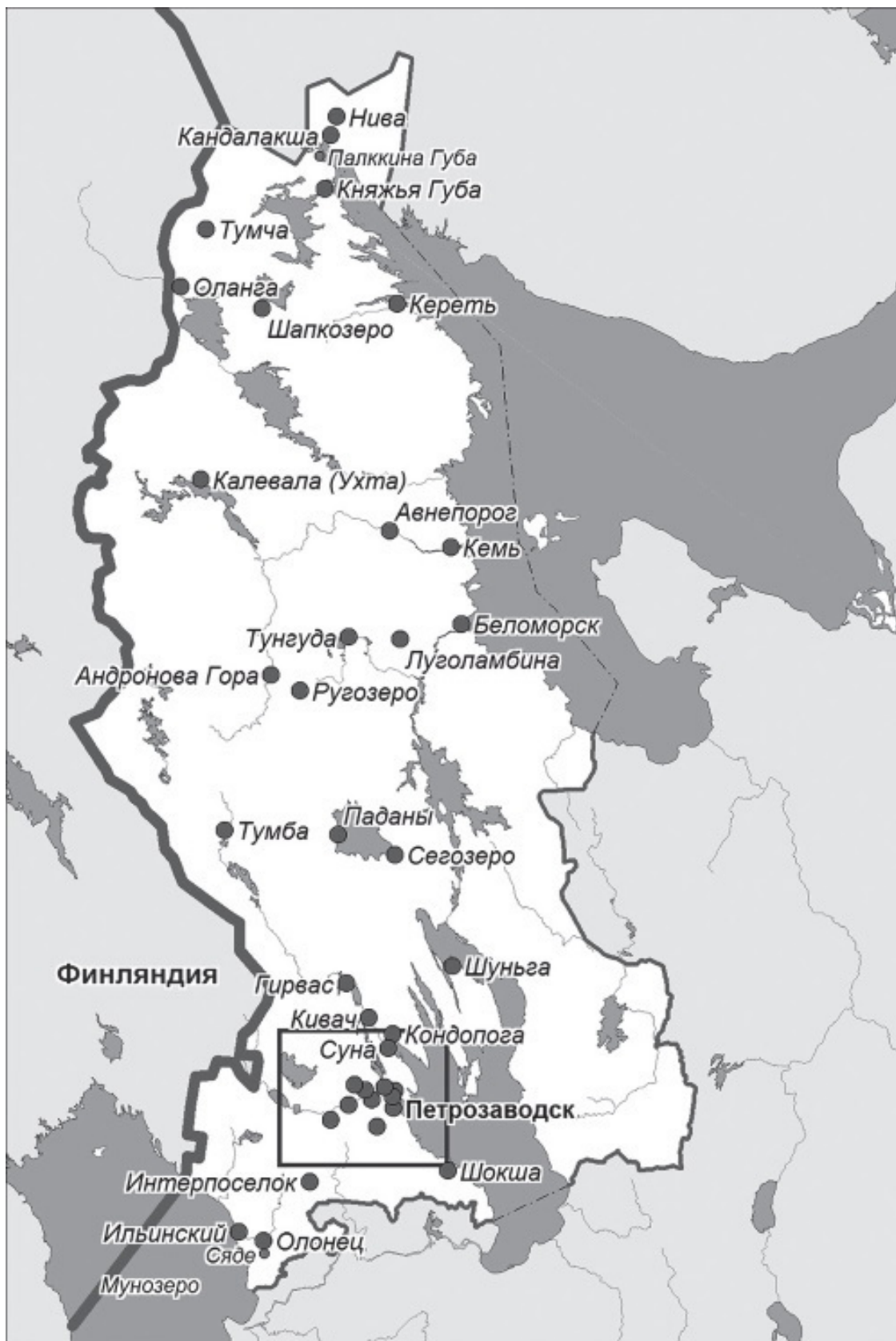
⁴ Kero R. Suomen Länteen: Siirtolaisuus Suomesta Yhdysvaltoihin ja Kanadaan. Turku: Siirtolaisuusinstituutti, 1996. S. 58.

от «общества освобожденного труда» наступали очень быстро, к тому же многие иностранные рабочие уже во второй половине 1930-х гг. стали жертвами гонений и политического террора в СССР⁵.

Одной из самых значительных групп иммигрантов первых десятилетий советской власти были финны, основным местом расселения которых стала Советская Карелия – автономная республика, находившаяся в северо-западной России на границе с Финляндией и возглавляемая в 1920–1935 гг. финскими политэмигрантами (красными финнами). После Октябрьской революции и в течение всех 1920-х гг. почти все финны-иммигранты прибывали в Советскую Карелию непосредственно из Финляндии. В начале 1930-х гг. в иммиграционный поток влились канадские и американские финны, чье появление в советской автономной республике совпало со временем активного национального строительства и бурных экономических преобразований первых пятилеток.

Как следствие, история североамериканских переселенцев отразила многие особенности развития советского довоенного общества: социальную, экономическую и национальную политику центральной и региональной властей, реакцию населения на перемены в жизни страны, а также специфику межнационального диалога в Карелии как приграничной территории. Если выразить это на уровне более абстрактных научных терминов, история иммиграции финнов из США и Канады в Карелию позволяет лучше понять такие важные категории советского общества, как власть и культура, центр и периферия, этничность и национальность, миграция и класс. Изучение этой истории открывает новые перспективы для целого ряда исследовательских проблем, таких как адаптация предприятий и целых отраслей промышленности к условиям плановой экономики, конкуренция между разными подходами к развитию советских национальных регионов и, наконец, вопрос о социалистической модерности, в частности об освоении советским руководством и обществом западных представлений о современной культуре труда и быта. Истории появления североамериканских финнов в Советской Карелии, их вкладу в экономическое, национальное, культурное развитие республики и судьбам переселенцев и посвящена эта книга.

⁵ Русскоязычную историографию вопроса см.: *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 31–36.

Поселения со значительным количеством североамериканских иммигрантов в Карелии 1930-х гг.

Финская иммиграция из Северной Америки шла практически исключительно в Карелию и лишь в единичных случаях – в другие регионы СССР. Именно Карелия была тем социалистическим Эльдорадо, ради которого тысячи американских и канадских финнов оставили свой привычный образ жизни, дома, друзей, клубы и работу. Имея протяженную (800 км) границу с Финляндией, Карелия в течение многих веков была местом трансграничных контактов и международных конфликтов, сначала в контексте шведско-новгородской борьбы, а затем московско- и русско-шведских войн за контроль над восточной частью Балтийского моря, пока, наконец, по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г., закончившему последнюю русско-шведскую войну 1808–1809 гг., Российская империя не получила Финляндию под свой контроль. Вскоре вопрос о Карелии стал важной частью российско-финляндского диалога и противостояния, сначала в культурно-просветительской и религиозной, а затем, после обретения Финляндией независимости, и в политической, дипломатической и военной сферах.

В силу своего приграничного положения, значительного нерусского населения и статуса оспариваемой территории Советская Карелия занимала особое положение в советской внешней и внутренней политике 1920–1930-х гг. Во многих отношениях она не была типичным советским регионом, долгое время оставаясь социально, этнически и культурно разнородным пространством, периферией, руководство которой, состоявшее из финских политэмигрантов, пыталось сопротивляться диктату центра и вести с ним диалог. Впрочем, в СССР, представлявшем собой мозаику национальностей, культур, местных институтов и элит и пр., вряд ли был хотя бы один «типичный» регион, поэтому исследование карельской специфики помогает лучше понять всю советскую историю этого бурного и трудного периода.

Многие проблемы, связанные с пребыванием североамериканских финнов в Карелии, не получили достаточного освещения в современной российской и западной историографии. До сих пор дискуссионными или не до конца выясненными остаются вопросы о причинах массового переезда финнов из США и Канады в СССР, о численном и социальном составе имми-

грантов, масштабах реэмиграции, вкладе переселенцев в развитие экономики и национальной культуры Карелии. Недостаточно исследованы и вопросы о взаимоотношениях с местным населением, о степени культурного воздействия иммигрантов на окружающих, об их восприятии советской действительности и о масштабах репрессий среди американских финнов.

Обобщающие труды по теме практически отсутствуют, исключением является лишь исследование финского историка Рейно Керо, вышедшее в 1983 г., но до сих пор не потерявшее своей актуальности⁶. Эта работа представляет собой блестящий анализ причин и организации иммиграции, особенно ее североамериканскую перспективу, однако у автора не было возможности работать с советскими архивами, поэтому жизнь переселенцев в самой Карелии описана достаточно поверхностно.

До 1970-х гг. о феномене «Карельской лихорадки» практически вообще не вспоминали. В одной из своих ранних работ Керо объяснял это тем, что в период холодной войны существовал ряд сложных проблем, препятствующих тщательному изучению жизни иммигрантов в СССР. Одной из главных причин являлось отсутствие доступа для западных исследователей к советским архивам. Еще одной проблемой, по мнению Керо, было то, что американские исследователи долго не решались уделять научное внимание столь деликатной проблеме. Реэмиграция финнов из Америки была проявлением серьезных социальных и политических противоречий между финнами и американцами, и для исследователей той и другой страны достаточно тяжело было рассматривать данный вопрос непредвзято⁷. Существующую лагуну в какой-то степени восполняла мемуарная литература, тоже, впрочем, весьма малочисленная⁸.

В начале 1990-х гг. с распадом Советского Союза стала возможной работа с ранее закрытыми фондами советских архивов, в том числе и для самих российских исследователей. Это стимулировало разработку целого ряда тем, в том числе и тех, которые касались финской иммиграции в Советскую Россию. В европейской и американской историографии наряду с общими работами, связанными с изучением истории СССР сталинского времени, появились фундаментальные труды, посвященные финскому периоду в истории Советской Карелии⁹, а также исследования, связанные прежде всего с изучением вопросов переселения североамериканских финнов в республику, т. е. феномена «Карельской лихорадки»¹⁰. Этот интерес был особенно силен среди финских историков, поскольку Советская Карелия в период между 1920 и 1935 гг. строилась в значительной степени под руководством финляндских политэмигрантов и позиционировалась как социалистическая альтернатива буржуазной Финляндии.

⁶ *Kero R.* Neuvosto-Karjalaa rakentamassa: Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa. Helsinki: SHS, 1983.

⁷ *Kero R.* Emigration of Finns from North America to Soviet Karelia in the Early 1930's // *The Finnish Experience in the Western Great Lakes Region: New Perspectives*. Turku: Institute of Migration, 1975. P. 213.

⁸ *Boucht C.* Onnea etsimässä: Punaisesta Karjalasta Kaukoitään. Helsinki: Kirjayhtymä, 1973; *Tuomi K.* The Karelian Fever of the Early 1930s: A Personal Memoir // *Finnish Americana*. 1980. No. 3. P. 61–75; *Boucht C.* Karjala kutsuu. Helsinki: Kirjayhtymä, 1988; *Hokkanen S., Hokkanen L., Middleton A.* Karelia: A Finnish-American Couple in Stalin's Russia, 1934–1941. St. Cloud: North Star Press, 1991; *Komulainen E. A.* Grave in Karelia. New York: Braun Brumfield, 1995.

⁹ В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-1950-е гг. / Под ред. Т. Вихавайнена и И.Р. Такала. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998; *Киули Ю.М.* Карелия в политике советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999; *Kangaspuro M.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Helsinki: SKS, 2000; *Laine A., Ylikangas M.*, eds. Rise and Fall of Soviet Karelia: People and Power. Helsinki: Kikumora Publications, 2002; *Ylikangas M.* Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki: Kikumora Publications, 2004; *Барои Н.* Власть и пространство: Автономная Карелия в советском государстве, 1920–1939. М.: РОССПЭН, 2011; *Бутвило А. И.* Карельская Трудовая Коммуна. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011.

¹⁰ *Gelb M.* “Karelian Fever”: The Finnish Immigrant Community during Stalin's Purges // *Europe-Asia Studies*. 1993. Vol. 45. No. 6. P. 1091–1116; *Lindström V., Vähämäki B.* Ethnicity Twice Removed: North American Finns in Soviet Karelia // *Finnish Americana*. 1992. No. 9. P. 14–20; *Pogorelskin A.* New Perspectives on Karelian Fever: The Recruitment of North American Finns to Karelia in the Early 1930s // *Journal of Finnish Studies*. 1997. Vol. 1. No. 3. P. 165–178.

В российской историографии первые небольшие работы о североамериканских финнах были опубликованы в 1960-х гг.¹¹ Эти работы интерпретировали иммиграцию в терминах международной пролетарской солидарности, но обходили стороной другие причины иммиграции, не говоря о судьбах иммигрантов во время сталинских репрессий. Лишь в 1990-х гг. появилась возможность значительно расширить и углубить исследования по данной проблеме¹². Также появились публицистические работы, основанные на мемуарах и воспоминаниях североамериканских финнов¹³ и мартирологи, проливающие свет на трагические судьбы финнов в России¹⁴.

В 2000-х гг. началось сближение российской и зарубежной научных традиций. В 2004 г. в Тандер-Бее (Канада), в 2006 г. в Эскильстуне (Швеция) и в 2008 г. в Петрозаводске (Россия) исследователями из Канады, США, Финляндии, Швеции и России обсуждались наиболее острые и малоизученные вопросы по истории пребывания в Советской Карелии североамериканских финнов. По итогам конференций были изданы два сборника статей, которые стали серьезным вкладом в изучение целого комплекса проблем, связанных с феноменом «Карельской лихорадки» в США и Канаде первой половины 1930-х гг. и различными аспектами пребывания североамериканских финнов в Карелии¹⁵.

Настоящая книга – это один из первых результатов деятельности двух международных научно-исследовательских проектов, упомянутых в предисловии. Участие в них позволило авторам выявить и изучить ранее неизвестные материалы, хранящиеся в архивах Карелии, проанализировать республиканскую прессу 1930-х гг., собрать комплекс интервью у детей и внуков переселенцев¹⁶. Особенно полезными для нашего исследования оказались материалы Национального архива Республики Карелия, в котором отложились документы финских рабочих и социалистических организаций в США и Канаде периода 1908–1930 гг., документы советских и партийных организаций, отвечавших за организацию и проведение иммиграционной политики, материалы изучения условий труда и жизни финнов-иммигрантов, а также личные документы переселенцев. Этот комплекс источников позволил нам написать новую, более полную и детальную историю иммиграции финнов из Северной Америки в Советскую Карелию в 1930-е гг.

Книга состоит из девяти глав и структурно выстроена как по хронологическому, так и по проблемно-ориентированному принципу. Большая часть ее посвящена именно 1930-м гг., однако в последней главе мы посчитали нужным немного рассказать о военных и послевоенных судьбах североамериканских финнов.

¹¹ Андриайнен А. И. Замечательный пример интернациональной солидарности // Вопросы истории КПСС. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1968. С. 87101; Андриайнен А. И. Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся с Советской Карелией // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 180–198.

¹² Лаврушина Н. В. Из истории появления североамериканских финнов в Карелии в начале 1930-х гг. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М.: ИЭА РАН, 1992. С. 176–189; Takala I. Eldoradoa etsimässä. Tarina ennen sotia Neuvosto-Karjalaan valtavesien takaa saarpuneista amerikansuomalaisista // Carelia. 1993. No. 3. S. 4–25; Такала И. Р. Финны в Карелии и России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Нева, 2002.

¹³ Sevander M. They Took My Father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth: Pfeiffer- Hamilton, 1991; Sevander M. Red Exodus: Finnish-American Emigration to Russia. Duluth: OSCAT, 1993; Sevander M. Of Soviet Bondage. Duluth: OSCAT, 1996; Севандер М. О. Скитальцы: О судьбах американских финнов в Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006; Устная история в Карелии. Вып. 2. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х гг. / Под ред. И. Р. Такала и А. В. Голубева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007.

¹⁴ Lahti-Argutina E. Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainonuhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Turku: Siirtolaisuusinstituutti, 2001.

¹⁵ Harpelle R, Lindström V., Pogorelskin A., eds. Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Beaverton, ON: Aspasia Books, 2004; Takala I, Solomeshch I., eds. North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2008; Kangaspuro M, Saramo S, ed. Victims and Survivors of Karelia // Journal of Finnish Studies. 2011. Vol. 15, No. 1–2.

¹⁶ Часть из них опубликована в: Устная история в Карелии. Вып. 2.

Финскую иммиграцию из США и Канады в Карелию можно рассматривать на многих уровнях – международном, национальном, региональном, семейном и личном. Во многих отношениях североамериканские финны стали посредниками между Востоком и Западом, Москвой и Карелией, властью и местным населением, а сама республика благодаря им и другим иммигрантам оказалась зоной контактов между капиталистическим и социалистическим мирами образца 1930-х гг.

Глава 1

Финны-иммигранты в Северной Америке и России

«Американская лихорадка»

Первые финские переселенцы появились в Северной Америке еще в XVII в.¹⁷, однако массовой эмиграция из Северной Европы за океан стала лишь два столетия спустя. «Американская лихорадка», начавшаяся в Норвегии уже в 1820-х гг., в 1840-х поразила Швецию и к середине 1860-х пришла в Финляндию, бывшую в то время частью Российской империи. Основной движущей силой иммиграции были серьезные экономические трудности, которые начались в середине столетия и привели к резкому росту иммиграционного потока через Атлантику.

Главная проблема финского общества второй половины XIX – начала XX в. заключалась в одностороннем развитии экономики. Около 70 % всего населения получало свой доход от занятий сельским хозяйством и лишь 10 % – от промышленности и ремесла¹⁸. Стабильность сложившегося сельского общества была подорвана экономическими реформами 1860 – 1870-х гг. и быстрым ростом населения, начавшимся уже в первые десятилетия XIX в. К 1870 г. число жителей Великого княжества Финляндского выросло более чем вдвое по сравнению с началом столетия – с 863 тыс. в 1810 г. до 1 млн 770 тыс. в 1870 г. В период с 1870 по 1910 г. население увеличивалось примерно на 300 тыс. человек за десятилетие и к началу Первой мировой войны достигло 3 млн человек¹⁹. Такое перенаселение не могло не сказаться на уровне жизни людей, прежде всего в деревне, где возможности для развития были сильно ограничены существующими законами. Хозяйство при наследовании не дробилось, владельцем земли становился лишь кто-то один из многодетной крестьянской семьи, остальные должны были искать пропитание на стороне. Промышленность и небольшие финляндские города не могли обеспечить достаточное количество рабочих мест, и одним из выходов для безземельного населения была эмиграция.

К концу 1880-х гг. «американская лихорадка» охватила практически все западные губернии Финляндии, прежде всего жителей Похьянмаа – северных прибогтийских территорий. Связано это было с тем, что здесь не было крупных промышленных центров для привлечения избыточного сельского населения. Традиционные занятия жителей губерний Оулу и Ваза – дегтеварение, кораблестроение, лесопереработка – в течение XIX в. пришли в упадок: в большинстве районов Ботнического побережья не осталось пригодных для промышленной вырубке лесов, а деревянные парусные корабли были вытеснены металлическими паровыми. Неудивительно, что из 302,8 тыс. эмигрантов, покинувших Финляндию в 1870–1914 гг., жители этих губерний составляли 68 % (206 тыс. человек)²⁰. Мобильность населения подстегивалась рассказами финских моряков, возвращавшихся из плавания и расхваливавших условия жизни и работы в Соединенных Штатах, а также письмами родственников и знакомых, уже переселившихся в Америку²¹.

Соединенным Штатам Америки действительно было что предложить иммигрантам. Раздача практически даром по Гомстед-Акту 1862 г. земель на западе, местное население кото-

¹⁷ См.: Kero R. Suureen Länteen. S. 16–31.

¹⁸ Расула В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 116.

¹⁹ Мейнандер Х. История Финляндии. М.: Весь мир, 2008. С. 116.

²⁰ Kero R. Suureen Länteen. S. 58.

²¹ Höglund A. W. Finnish Immigrant Letter Writers: Reporting from the U S to Finland 1870s to World War I // Finnish Diaspora II: United States / Ed. M. G. Karni. Toronto: Multicultural History Society of Ontario, 1981. P. 14.

рых было незадолго до этого переселено в резервации, казалась фантастической сказкой для голодных крестьян Старого Света. «Золотая лихорадка» в Калифорнии и на Аляске порождала надежды на быстрое и легкое обогащение. Свобода предпринимательства и обилие работы на рудниках и шахтах Мичигана и Миннесоты, в портах городов Великих Озер, на железнодорожном строительстве, на лесоперерабатывающих заводах – всё это было серьезным аргументом для переезда в страну с такими возможностями.

В 1880-х гг. в Северную Америку из Финляндии эмигрировало примерно 25 тыс. человек²². В дальнейшем к потоку из западных губерний присоединились жители центральной и восточной Финляндии. Лютеранская церковь и власти княжества осуждали эмиграцию, пытаясь всячески препятствовать оттоку населения из страны, однако никакие принятые меры не помогали²³. Пик эмиграции пришелся на 1902 г., когда случился неурожай, а над финскими юношами впервые нависла угроза прохождения военной службы в российской армии²⁴. Тогда страну покинуло 23 тыс. человек. В целом с 1880 по 1910 г. из Финляндии в Америку выехало около 280 тыс. человек²⁵, а к началу Первой мировой войны общее число эмигрантов достигло 302 тыс.

Во время войны масштабы эмиграции из Финляндии были незначительными, а в начале 1920-х гг. серьезным образом изменилась иммиграционная политика США. В 1921 г. американский конгресс принял чрезвычайный иммиграционный акт, который установил ежегодную квоту иммиграции из европейских стран в 350 тыс. человек. Более того, квоты были установлены и по отдельным странам. Они рассчитывались на основе переписи населения 1910 г. и не должны были превышать 3 % от общего числа иммигрантов данной национальности, проживавших в США в 1910 г. Новый иммиграционный закон 1924 г. снизил годичную квоту европейской иммиграции до 164 тыс. человек и ограничил ежегодную норму переселенцев до 2 % от общего числа иммигрантов той или иной национальности, проживавших в США в 1890 г. В результате квота финнов была снижена до 471 человека в год (по закону 1921 г. она составляла 3921 человека в год)²⁶.

После принятия этих законов основной поток финской эмиграции переориентировался на Канаду. Если с 1901 по 1920 г. в Канаду приехало чуть больше 20 тыс. финнов, то с 1921 по 1930 г. число финских иммигрантов составило уже 36 тыс. Половина из них прибыла в Канаду перед самой депрессией – 18 448 чел. за 1926-1929 гг. Не успев как следует обосноваться, эти новые иммигранты стали наиболее уязвимой частью диаспоры во время экономического кризиса²⁷.

В целом из общего числа финнов, эмигрировавших в Северную Америку в 1870–1930 гг., примерно 63 % составляли мужчины, около 70 % переселенцев были в возрасте от 15 до 34 лет, почти все они (на 90 %) были сельскими жителями²⁸. Примерно треть эмигрантов вернулась из Америки на родину. Согласно данным переписей, в 1930 г. в США проживали 320 500 финнов (как родившихся в Финляндии, так и их детей), в 1931 г. в Канаде – 43 600²⁹.

²² Suomen historian pikkujättiläinen. Helsinki: WSOY, 2003. S. 495.

²³ Engle E. Finns in North America. Minneapolis: Lerner Publications Company, 1975. P. 32.

²⁴ Новый закон о воинской повинности 1901 г., принятый без согласия финляндского Сейма, наряду с февральским манифестом 1899 г., существенно ограничивавшим конституционные права Финляндии, вызвали в княжестве мощное сопротивление, вначале «пассивное», а затем и «активное» (см.: Юссила О., Хейтиля С., Неваккиви Ю. Политическая история Финляндии. М.: Весь мир, 1998. С. 84).

²⁵ Meinander X. История Финляндии. С. 117.

²⁶ История США. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 107; Kero R. Suureen Länteen. S. 76.

²⁷ Lindström V. The Finnish Canadian Communities during the Decade of Depression // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. P. 16–17.

²⁸ Kero R. Suureen Länteen. S. 103–107.

²⁹ Ibid. S. 131.

Иммигранты селились преимущественно в тех районах, где климатические и географические условия были схожи с их родными. В США больше всего финских переселенцев обосновалось в штатах Мичиган и Миннесота (41,2 % всей финской диаспоры в 1930 г.); в Канаде основным местом их расселения стала провинция Онтарио (62,3 % в 1931 г.)³⁰. Мужчины работали на шахтах и рудниках, лесозаготовках, на строительстве железных дорог, многим удалось устроиться рабочими на крупные заводы и фабрики или создать свою ферму; финские женщины были востребованы в качестве прислуги.

Ааррэ Лекандер, первенец в семье канадских финнов Валтера и Ауне Лекандеров. Провинция Саскачеван, Канада. Фотография сделана летом 1931 г., за несколько месяцев до отъезда семьи в СССР. Из личного архива В. В. Лекандера

Вместе с тем интеграция в новое общество оказалась для финских иммигрантов достаточно сложной. Финны натурализовались медленно, прежде всего из-за того, что им трудно давался английский язык. По этой причине они старались сохранить тесные связи внутри своей диаспоры, расселяясь компактно и создавая многочисленные церковные и общественные организации, общества, клубы, коммуны, где могли использовать родной язык. Многие из переселенцев рубежа веков так и не освоили английский, всю жизнь вращаясь в финноязычной среде. Лингвистические контакты между иммигрантами и их англоязычными соседями привели в 1920-1930-х гг. к формированию нового креольского языка, так называемого финглиш (Finglish). Из финского языка он заимствовал грамматическую структуру, а из английского – словарный запас, в результате чего получались фразы вроде «karalla raidemme daup-taunille»³¹, звучавшие для окружающих весьма экзотично. Местное население оценивало финнов как довольно странных, непонятных людей, живущих в своем замкнутом мире³².

³⁰ Ibid.

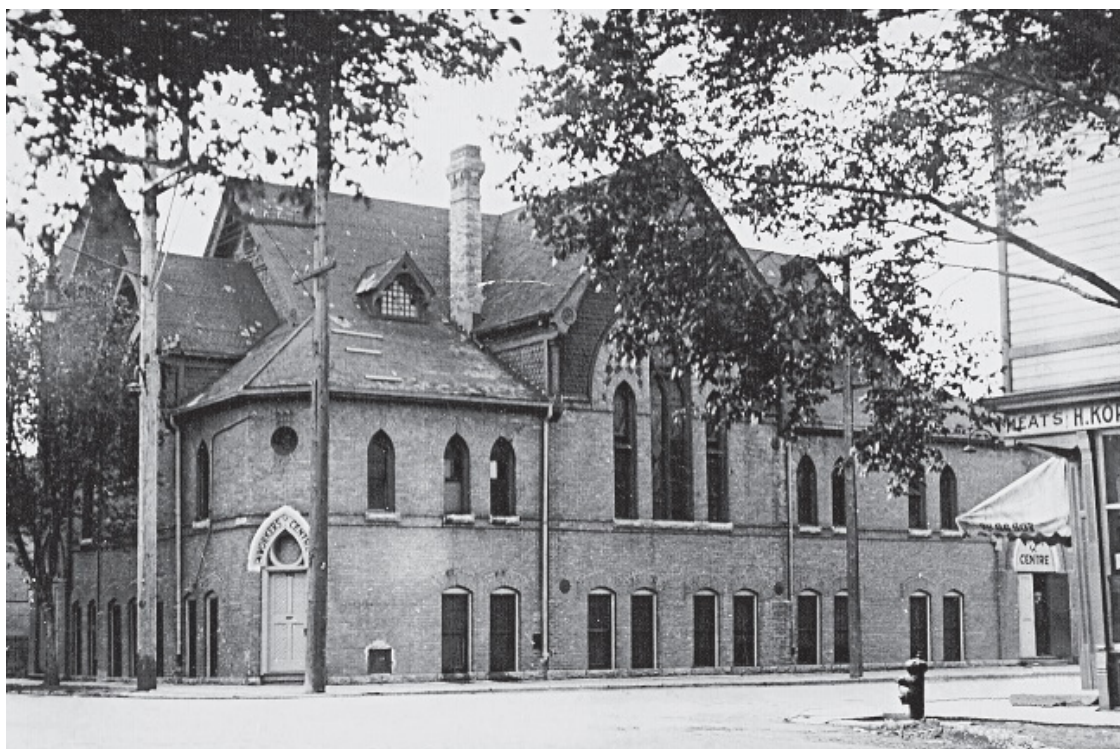
³¹ Интервью с Дагнэ Сало // Устная история в Карелии. Вып. 2. С. 54.

³² Lieder L. A., Vesanen U. I. Suomalainen helluntaiherätys Pohjois-Amerikassa. Vancouver: Mission Press Society, 1994. S. 12.

Театральный кружок в финском клубе, конец 1920-х или начало 1930-х гг. Провинция Саскачеван, Канада. Из личного архива В. В. Лекандера

Однако в своей среде финские переселенцы были очень активны в сферах социальной, общественной и культурной жизни. Первыми и самыми главными организациями американских финнов стали церкви и трезвеннические общества. В конце XIX в. произошел масштабный раскол внутри финского сообщества на религиозной и политической почве. С одной стороны выступали религиозные финны, придерживавшиеся консервативных убеждений и относящиеся критически к социализму не только из-за неприятия его экономических основ, но и из-за его враждебного отношения к религии. Они, как правило, стремились сохранить финское религиозное самосознание и быть принятыми в новое общество. С другой стороны, среди финнов-иммигрантов получали распространение леворадикальные идеи, что во многом объяснялось несбывшимися надеждами и разочарованием в «стране носорогов», как саркастически стали называть США некоторые из них³³. Широкому распространению леворадикальных взглядов (по различным оценкам, их разделял каждый пятый или даже четвертый иммигрант³⁴) способствовали и многочисленные финские политические, общественные, кооперативные организации, а также рабочая финноязычная пресса³⁵. Левый активизм способствовал распространению антифинских настроений в американском обществе и служил поводом для подозрений со стороны правительств США и Канады. Это в свою очередь еще более осложняло положение иммигрантов и способствовало дальнейшему росту радикальных настроений.

³³ Kero R. *Emigration of Finns...* P. 212. Метафора основывалась на распространенном в европейских культурах понимании носорога как животного, заботящегося только о себе самом; ср. с пьесой Эжена Ионеско «Носорог» (1960).

³⁴ Ollila D.J. *From Socialism to Industrial Unionism (IWW): Social Factors in the Emergence of Left-Labor Radicalism among Finnish Workers on the Mesabe, 1911-19 // The Finnish Experience in the Western Great Lakes Region.* P. 157.

³⁵ Подробнее см.: Höglund A. *VK Finnish Immigrants in America, 1880-1920.* Madison: University of Wisconsin Press, 1960; Kostianen A. *The Forging of Finnish-American Communism, 1917-1924: A Study of Ethnic Radicalism.* Turku: Turun yliopisto, 1978; Kivistö P. *Immigrant Socialists in the United States: The Case of Finns and the Left.* Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1984; Kero R. *Suomalaisina Pohjois-Amerikassa. Siirtolaiselämää Yhdysvalloissa ja Kanadassa.* Turku: Siirtolaisuusinstituutti, 1997.

Здание, в котором располагался финский рабочий клуб, конец 1920-х или начало 1930-х гг. Провинция Саскачеван, Канада

Революция в России и гражданская война в Финляндии усилили враждебность между двумя лагерями североамериканских финнов. В течение 1920-х гг., предшествовавших иммиграции в Карелию, в финском этническом сообществе окончательно оформились два различных социальных мира, которые фактически не пересекались³⁶.

³⁶ *Saarinen O. VE. Between a Rock and a Hard Place: A Historical Geography of the Finns in the Sudbury Area. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 1999. P. 109–154.*

Миграция на восток

В Россию массовая миграция финнов началась уже в первой половине XIX в., почти сразу после присоединения Финляндии к Российской империи. Как и более поздняя иммиграция в Северную Америку, она также была вызвана нараставшим аграрным перенаселением. Огромная масса бедноты не могла найти постоянную работу и вступала в конфликт с довольно жестким законодательством о бродяжничестве. Емкий русский рынок рабочей силы в этом отношении для многих был выходом из создавшегося положения, тем более что финляндцы, по крайней мере до реформы 1861 г., были более свободной категорией рабочей силы, нежели закрепощенное российское крестьянство. Стимулировали миграцию и частые неурожаи, вызывавшие голод и разорение широких слоев населения.

С конца 1880-х гг. приток финнов в Россию значительно уменьшился, небольшой рост наблюдался лишь во время благоприятной экономической конъюнктуры конца 1890-х гг. и в годы Первой мировой войны, во время строительства Мурманской железной дороги. Сокращение потока переселенцев было вызвано изменениями в экономике Финляндии и России, ростом российского промышленного пролетариата и, наконец, осложнением политической обстановки в связи с наступлением царизма на финляндскую автономию. На рубеже столетий основной поток эмиграции из княжества шел в другом направлении – в Северную Америку.

Переселенческое движение XIX в. носило приграничный характер: большая часть финляндских иммигрантов расселялась в северо-западных российских губерниях – Петербургской, Олонецкой, Архангельской, и это главным образом были жители восточных регионов Финляндии. В 1897 г., по данным первой всероссийской переписи населения, в империи насчитывалось 36 тыс. финляндских уроженцев, 98 % из них (35 тыс.) проживало в Европейской России³⁷.

Основным районом иммиграции являлся Санкт-Петербург и Санкт-Петербургская губерния, где было сосредоточено свыше 80 % всех переселенцев. Петербург был столицей империи, огромным для своего времени мегаполисом и находился на расстоянии всего 32 км от границы 1812 г. Естественно, он оказывал существенное влияние на жизнь населения по другую сторону границы посредством сухопутной и морской крестьянской торговли, перевозок грузов и предоставления рынка для ремесленной продукции. В середине XIX в. из Финляндии в Петербург ежегодно совершалось свыше 10 тыс. торговых поездок. Благодаря тесным контактам переселенцы могли легко узнать об условиях жизни и деятельности, ожидавших их на новом месте. Одной из важнейших причин миграции финнов в российскую столицу следует считать высокую экономическую конъюнктуру региона и притягательность петербургского рынка рабочей силы. Около половины финских мигрантов были выходцами из городов, значительная часть из них относилась к сравнительно высокооплачиваемым категориям, в частности это были ремесленники и квалифицированные рабочие³⁸.

Точную численность финляндцев в Петербурге в отдельные периоды определить чрезвычайно трудно, поскольку шло постоянное переселение в том и в другом направлениях. Перемещения носили самый разнообразный характер – от кратких поездок на несколько дней на работу до переездов на постоянное место жительства. Максимальной численности финское население российской столицы достигло, очевидно, к началу 1880-х гг. – 22 тыс. в 1881 г. Затем

³⁷ *Энгман М, Юнгар С.* Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809–1917 гг. // Материалы VI Советско-Финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия 1700–1917. Л.: Наука, 1980. С. 116–117; *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России. С. 8.

³⁸ *Энгман М, Юнгар С.* Переселенческое движение... С. 119; *Jungar S.* Fran Åbo till Ryssland. En studie i urban befolkningsrörlighet 1850–1890. Åbo: Åbo Akademi, 1974. S. 85–89.

оно начало сокращаться: в 1910 г. в Петербурге проживало 15 тыс. финляндских уроженцев и их потомков³⁹.

Свыше 80 % всех петербургских финнов было занято в промышленности и ремеслах. Наиболее характерными для них были профессии ткача, прядильщика, сапожника, портного, столяра. Очень многие работали в металлургической промышленности, специфически финской была профессия трубочиста, в которой финляндцы составляли более половины всех специалистов⁴⁰. Петербург играл важнейшую роль в деле обучения финнов разным профессиям, прежде всего таким как часовых и золотых дел мастера. В фирме Фаберже, например, в середине века каждый второй из ведущих мастеров говорил на финском языке⁴¹. В окрестностях столицы финны занимались в основном извозом и торговлей.

Условия общественной жизни и небольшие расстояния благоприятствовали эмиграции из Финляндии женщин, доля которых в общем потоке переселенцев достигала 50–60 % во второй половине столетия. Работали финки главным образом в качестве домашней прислуги (свыше 60 %), а также в промышленности (преимущественно текстильной) и различных ремеслах⁴².

Для большинства переселенцев пребывание в Петербурге и губернии носило временный характер. Заработав или обучившись ремеслу, многие возвращались на родину. Составляя интегрированную часть многонационального петербургского общества, финны практически не растворялись в нем. Консолидирующую роль выполняла лютеранская церковь. Приходы были для финнов центрами национальной духовной культуры, местом единения с родиной. Переселенцы имели свои общества и газеты, все они были финноязычными и находились под сильным влиянием, идущим из Финляндии⁴³. Сохранению этнической общности способствовали тесные контакты с родиной, недостаточное знание языка и, наконец, вполне нормальная демографическая структура диаспоры. В период революции и гражданской войны большая часть переселенцев вернулась в Финляндию.

Переселение финляндцев в другие регионы Европейской России – Олонецкую и Архангельскую губернии – было обусловлено иными факторами, что отразилось и на социальном составе мигрантов. Для финнов, уходивших в северные районы российской губернии, важным стимулом к эмиграции становились частые неурожаи. Это подтверждается отчетливыми пиками переселенчества в голодные годы и преимущественно крестьянским составом мигрантов.

В Олонецкой губернии первые финские колонисты появились в 1830-е гг., однако особенно быстро количество переселенцев росло во второй половине столетия. К концу века численность финского населения Олонецкой губернии достигла 3 тыс. человек и оставалась на этом уровне вплоть до 1917 г. (1 % от всего населения). Доля мужчин и женщин в диаспоре была примерно равной; довольно высок был процент детей и молодежи в возрасте до 20 лет (в среднем свыше 40 %)⁴⁴. Финны были заняты в промышленности, ремеслах, на строительных работах и лесозаготовках. Весьма распространенными являлись профессии столяра, плотника,

³⁹ *Энгман М, Юнгар С.* Переселенческое движение... С. 119. Уточнение и коррекцию этой статистики см.: *Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л.: Наука, 1984. С. 165–169.

⁴⁰ *Юнгар С.* Финляндские ремесленники в Санкт-Петербурге // *Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике.* Л.: Наука, 1975. С. 93.

⁴¹ *Знаменитые династии России.* 2014. № 20: Фаберже. С. 17.

⁴² *Энгман М, Юнгар С.* Переселенческое движение... С.121; *Юхнева Н.В.* Этнический состав... С. 175.

⁴³ Подробнее см.: *Энгман М, Юнгар С.* Переселенческое движение... С. 115138; *Juntunen A.* Suomalaista kulttuuria Nevan rannoilla. Turku: Turun yliopisto, 1970; *Engman M.* Petersburgska vägar. Esbo: Schildt, 1995; *Engman M.* Förvaltningen och utvandringen till Ryssland, 1809–1917. Helsingfors: Tryckericentralen, 1995; *Nironen J.* Suomalainen Pietari. Vantaa: Novomedia, 1999.

⁴⁴ *Бирин В.Н, Такала И. Р.* Финны // *Народы России: Энциклопедия.* М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. С. 370; *Бирин В.Н.* Финны Олонецкой губернии. Препринт доклада. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. С. 4–5, 2729.

портного, сапожника, печника. Занимались они и сплавом леса, работали в сельском хозяйстве, на речном транспорте (в том числе в качестве бурлаков). Женщины нанимались в услужение в богатые дома. Переселение в Олонецкую губернию, как и в Петербургскую, было для большинства финляндцев явлением временным – в конце столетия диаспора на 90 % состояла из мигрантов первого поколения. В 1917-1918 гг. около 70 % финнов вернулись на родину⁴⁵.

В Архангельской губернии финны концентрировались на Мурманском побережье. Первые поселения появились здесь в голодные для Финляндии 1860-е гг. Стимулом к миграции стали и правительственные постановления 1868, 1876 и 1890 гг., предоставлявшие льготы колонистам Мурманска, как россиянам, так и иностранцам, принявшим российское подданство. В отличие от Петербургской и Олонецкой губерний, на Кольский полуостров финны переезжали с намерением прочно обосноваться на новом месте. Колонисты селились по побережью Баренцева моря (Кольский залив) и вдоль реки Туломы⁴⁶. К концу столетия здесь появился уже целый ряд поселений, в которых сохранялся традиционный для финской деревни уклад жизни.

В 1897 г. численность финнов на Кольском полуострове составляла 1276 человек (645 мужчин и 631 женщина). Лишь половина из них (650 человек) являлись мигрантами первого поколения (83 % – уроженцы губернии Оулу). Еще ниже был процент тех, кто оставался финляндским подданным (428 человек, 33 %). Диаспора имела нормальную демографическую структуру с благоприятными перспективами развития – 50 % составляли дети и молодежь в возрасте до 20 лет⁴⁷. Основным занятием финнов являлись рыбный промысел и охота (55 % самодеятельного населения). Трудились они также в животноводстве и земледелии, занимались обработкой дерева, продуктов животноводства, изготовлением одежды и строительными работами. Большинство женщин в возрасте старше 20 лет (свыше 80 %) находилось на иждивении мужей, занимаясь домашним хозяйством и детьми⁴⁸. В годы Первой мировой войны численность финского населения Кольского полуострова значительно возросла в связи со строительством Мурманской железной дороги, и в 1915 г. здесь проживали 2793 человека (19 % от всего населения края)⁴⁹. В отличие от иммигрантов в других регионах России, после 1917 г. большинство финских колонистов осталось жить на мурманском побережье.

Годы революции и гражданской войны внесли существенные коррективы в численность и социальный состав финского населения России – большая часть финнов, как уже отмечалось, вернулась на родину, и в советское время диаспора формировалась фактически заново. С 1918 по 1935 г. было три больших иммиграционных волны, вызванных к жизни целым комплексом политических и экономических причин и обусловленных изменениями, произошедшими в мире после российской революции. По причинам миграции, времени прибытия и месту исхода финских иммигрантов советского периода можно условно разделить на три основные группы – политэмигранты (красные финны), перебежчики и североамериканские переселенцы.

Первая большая волна эмиграции из Финляндии связана с окончанием там гражданской войны в мае 1918 г. Междоусобная война была недолгой, но кровавой: собственно боевые действия продлились всего два месяца, но красный и белый террор, а также послевоенные репрессии победителей по отношению к побежденным унесли жизни 30 тыс. человек (из них потери красных составили 25 тыс.). После победы белых еще свыше 60 тыс. человек было приговорено

⁴⁵ Такала И. Р. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. Исторический очерк // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 522.

⁴⁶ Такала И. Р. Финны в Карелии и России. С. 11.

⁴⁷ Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. I. Архангельская губерния. Тетрадь I. [СПб.]: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1899. С. 42–43; Тетрадь 3. [СПб.]: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1904. С. 2–3, 20–21, 52, 64–67.

⁴⁸ Такала И. Р. Финны в Карелии и России. С. 12.

⁴⁹ Подсчитано по: Karjalan oikeus. Liitteenä V. Keynään laatima ja sovittama kansallisuuskartta Itä-Karjalasta ja Kuollan Niemimaasta. Helsinki: Karjalan keskushallitus, 1921. Liiteenä (приложение).

к различным срокам заключения, и, хотя большинство из них к концу 1918 г. были отпущены на свободу как условно осужденные, для красных участников событий угроза политических преследований оставалась более чем реальной⁵⁰. Спасаясь от преследований, весной 1918 г. тысячи красных финнов и членов их семей покинули страну. Часть эмигрантов бежали в Швецию и другие государства, но большинство предпочли искать убежища в Советской России. В апреле-мае 1918 г. в Петроград прибыло 6 тыс. беженцев⁵¹. Первоначально их размещали в самом Петрограде и городе Буй (сейчас Костромская область), где был создан специальный эвакуационный пункт. Оттуда людей направляли в Вологду, Кострому, Муром, Москву, Нижний Новгород, Мурманск, Петрозаводск, на Урал и в Сибирь. К концу лета основная масса иммигрантов была трудоустроена, а большинство способных к военной службе мужчин добровольно вступили в финские национальные соединения Красной армии. После окончания гражданской войны основная масса политэмигрантов была сосредоточена в Европейской России, точнее, ее северо-западном регионе, чему в немалой степени способствовала политика, проводимая руководством страны.

Политэмигранты и их семьи продолжали прибывать в Россию вплоть до начала 1930-х гг. Являясь наиболее активной в политическом отношении частью диаспоры и будучи в большинстве своем членами ВКП(б) и номенклатурными работниками, люди эти постоянно перебрасывались с места на место по воле партийных органов, что чрезвычайно затрудняет подсчеты. Общая численность финских политэмигрантов в Советской России, по различным подсчетам, достигала от 10 до 13 тыс. человек⁵².

На начало 1930-х гг. пришлось две другие крупные иммиграционные волны. Одна из них явилась следствием экономического (а отчасти и политического) кризиса в Финляндии. Начиная с 1930 г. большие группы людей, спасаясь от голода и безработицы, стихийно переходили финляндско-советскую границу на всем ее протяжении. Определенную роль сыграла и пропагандистская кампания, развернутая карельским руководством и финляндскими коммунистами в связи с политикой вербовки рабочих кадров. По различным оценкам, в 1930–1934 гг. из Финляндии в Советский Союз ушло от 12 до 15 тыс. человек⁵³. Эта категория иммигрантов сразу же попадала в карантинные лагеря ОГПУ, откуда после проверки людей направляли на работу в различные регионы Союза или в систему ГУЛАГа (за нелегальный переход границы тогда давали до трех лет лагерей). После 1932 г. большую часть перебежчиков оставляли работать в непограничных районах Карелии и Ленинградской области. В отличие от остальных иммигрантов, финпере-бежчики (как их именовали в документах тех лет) оказались в самых худших условиях, мало отличимых от лагерных. Они жили в специальных поселках, находились под постоянным контролем ОГПУ, не имели документов и не могли самостоятельно покинуть место работы. Практически все, вне зависимости от профессии, использовались на тяжелых строительных, лесозаготовительных или горно-рудных работах⁵⁴.

Другой иммиграционной волной был массовый переезд в Карелию североамериканских финнов. Уже в 1920-е гг. в Россию начали прибывать первые группы переселенцев, эмигрировавших ранее из Финляндии в США и Канаду, однако массовый характер эмиграция финнов из Северной Америки приобрела в начале 1930-х гг.

⁵⁰ Юссила О., Хенгиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. С. 123.

⁵¹ Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л.: Лениздат, 1969. С. 103.

⁵² Такала И. Р. Финны в Карелии и России. С. 20; Saarela T. Suomalaisten kommunismin synty 1918–1923. Tampere: KSL, 1996. S. 27.

⁵³ Kostiainen A. Loikkaarit: suuren lamakauden laitton siirtolaisuus Neuvostoliittoon. Helsinki: Otava, 1988. S. 57–64, 83; Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е гг. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 158.

⁵⁴ Подробнее см.: Kostiainen A. Loikkaarit; Takala I. Loikkreiden kohtalo Neuvosto-Karjalassa asiakirjojen kuvaamana // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamaalla, toim. Tapio Hämynen. Joensuu: Joensun yliopisto, 1994. S. 173180.

Красные финны и карельская автономия

Карелия, расположенная по обе стороны финляндско-русской границы, относится к типичным для Европы историческим пограничным регионам, которые часто становились объектом международных конфликтов и для которых были характерны периодические изменения государственной принадлежности. Постоянные поселения образовались в Карелии к началу IX в. К тому времени карелы, отколовшись от других финских племен, уже сформировали обособленное племя, основной территорией расселения которого был Карельский перешеек и Северное Приладожье. Период неразделенной Карелии длился вплоть до начала XIV в., однако уже в начале XII столетия эти территории стали полем битвы запада и востока – Швеции и Новгородского государства. В западной части Карельского перешейка постоянно усиливалось влияние Швеции и шло насаждение католической веры, восточные же карелы попали под влияние Новгорода и русского православия. Подданными двух государств официально карелы оказались впервые в 1323 г., когда Швеция и Новгород произвели раздел их земель⁵⁵. С тех пор на протяжении многих веков государственная граница разделяла финскую и русскую Карелии, а статус и местоположение самой границы неоднократно менялись.

На протяжении XV–XVII вв. карелы, стараясь покинуть конфликтные приграничные территории, расселялись всё дальше на северо-восток, колонизуя вместе с русскими обширные территории между Ладожским и Онежским озерами и Белым морем. К началу XIX в., когда в результате последней в истории русско-шведской войны Россия присоединила Финляндию, восточные карелы проживали на территории двух российских губерний – Олонецкой и Архангельской (так называемые Олонецкая и Беломорская Карелии). Беломорской Карелии суждено было сыграть существенную роль в истории финской культуры: именно здесь в 1820–1840-х гг. Элиасом Лённротом была записана большая часть старинных рун для финского национального эпоса

«Калевала»⁵⁶. С середины XIX в. Карелия служила источником вдохновения для финских писателей и поэтов, художников и композиторов (течение «карелианизма») ⁵⁷. Всё это играло важнейшую роль в пробуждении финской нации и формировании национальной идентичности.

Со второй половины XIX в. культурный и этнографический интерес финских образованных кругов к Карелии постепенно преобразовался в ирредентистские стремления, нашедшие воплощение в политической идее Великой Финляндии. Странники Великой Финляндии, исповедовавшие как политические, так и этнонациональные идеалы, стали говорить о «естественной Финляндии», под которой подразумевалось единое целое, состоящее из Финляндии, Восточной Карелии и Кольского полуострова⁵⁸. Финский ирредентизм не был чем-то исключительным: по всей Европе шло формирование аналогичных форм национально-географического воображения, ставших одним из наиболее эффективных инструментов мобилизации европейского населения в целях нациестроительства. В начале XX в. доктрина Великой Финляндии достигла международного масштаба в виде восточно-карельского вопроса, в котором изначально имели место как просветительско-гуманитарные черты, так и профинская идеологическая окраска⁵⁹.

⁵⁵ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 26–29.

⁵⁶ Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. Петрозаводск, 1985. С. 8–12.

⁵⁷ См.: *Sihvo H.* Karjalan kuva: Karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana. Helsinki: SKS, 1973.

⁵⁸ *Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H.* Karjalan kansan historia. Porvoo: WSOY, 1994. S. 255.

⁵⁹ О комплексных взаимоотношениях между национализмом, историей и географией см.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998; *Brubaker*

Революция 1917 г. и последовавшая гражданская война в России привели к распаду Российской империи, в том числе к провозглашению независимости Финляндией. В 1918–1922 гг. финские добровольцы предприняли несколько попыток присоединить ряд российских территорий, населенных карелами, военным путем, в то время как официальный Хельсинки пытался добиться того же самого с помощью дипломатии⁶⁰. Одним из аргументов присоединения к Финляндии «соплеменных» территорий было отсутствие у восточных карелов автономии и права на самоопределение. Это стало одной из причин, по которым в 1920 г. советское правительство объявило о создании карельской автономной республики⁶¹. Первоначально она называлась Карельская Трудовая Коммуна, а с 1923 г. – Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика⁶². К началу 1922 г., когда финляндские дипломаты вынесли вопрос о международном статусе Советской Карелии на рассмотрение Лиги Наций, аргументируя это стремлением карельского населения к самоопределению, у советского правительства был весомый контраргумент: автономия в составе РСФСР уже являлась выбранной самими карелами формой национального самоопределения⁶³.

Красные финны, руководившие Советской Карелией в 1920–1935 гг.:

R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996.

⁶⁰ Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922: Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo: WSOY, 1970; Niinistö J. Heimosotien historia 1918–1922. Helsinki: SKS, 2005; Осотов А.Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии. Дис... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.

⁶¹ Статья 232 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 53; Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции / Под ред. А.Я. Балагурова, В. И. Машезерского. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1964. С. 537. Декрет вступил в силу после официальной публикации 8 июня 1920 г., что и считается датой основания республики.

⁶² С принятием 5 декабря 1936 г. новой Конституции СССР была переименована в Карельскую АССР (КАССР).

⁶³ О восточно-карельском вопросе на повестке дня Лиги Наций см.: League of Nations Official Journal. 1922. P. 103–105, 107–108, 165–170.

Эдвард Гюллинг (четвертый справа, с тростью в руке), председатель Совета народных комиссаров КАССР, и Густав (Кустаа) Ровио (третий справа, в черном пальто), первый секретарь карельского обкома ВКП(б). Первомайский парад 1930 г. в Петрозаводске.

Фото Г. А. Анкудинова из фондов Национального архива Республики Карелия

Внешнеполитические соображения были важными, но не единственными факторами, стоявшими за созданием автономной Карелии. К 1920 г. гражданская война в России подходила к концу, и перед большевиками вставал ряд новых проблем, связанных с управлением огромными территориями, доставшимися им в наследство от Российской империи. Принуждение военной силой (имевшее место в западных и северных областях Карелии) не могло быть долгосрочной стратегией. Для сохранения власти в стране, где значительная часть населения относилась к советскому правительству настороженно, а многие и откровенно враждебно, большевики полагались на разветвленный партийный и советский аппарат, представители которого контролировали ключевые сферы общественной, политической и культурной жизни. Этот же аппарат, по замыслам большевиков, должен был сыграть ключевую роль в просвещении и политическом перевоспитании непролетарских слоев общества – в первую очередь крестьянства – и в преобразовании местных сообществ в составные части новой общности советских людей. В этом отношении принципы государственного управления в ранний советский период напоминали методы колониальной администрации с той основной разницей, что функции колониальных чиновников выполнялись советской и партийной бюрократией, а сами колониальные практики были направлены на внутреннюю, а не внешнюю колонизацию.

В современной историографии рост интереса к концепции внутренней колонизации связан с монографией Александра Эткинда⁶⁴, получившей широкий (и неоднозначный) резонанс в научном сообществе⁶⁵. Несмотря на натянутую доказательную базу, монография Эткинда стимулировала другие исследования, в том числе на материалах советского периода⁶⁶, а понятие внутренней колонизации оказалось полезным для переосмысления исторических форм взаимодействия между государственной властью и территорией, на которую распространялся ее суверенитет. Данные исследования, в частности, показали, что советский государственный аппарат нередко относился к территории страны как к колонии, а к ее жителям как к колониальным субъектам, в массы которых необходимо нести цивилизацию и культуру. После окончания гражданской войны темную, безграмотную, мелкобуржуазную и нередко открыто контрреволюционную Россию необходимо было колонизировать новыми советскими идеями, новым советским бытом и новыми советскими людьми, которых можно было воспитать из имеющегося населения, но которые могли прийти и извне. В Советской Карелии такими новыми людьми стали финские политэмигранты. Собственно автором проектов, определивших облик создаваемой карельской автономии, был бывший член финляндского парламента от социал-демократической партии Финляндии (СДПФ), доктор философии и «красный финн» Эдвард Гюллинг.

Гюллинг родился в 1881 г. в городке Икаалинен в достаточно состоятельной финско-шведской семье и с детства был двуязычным. В 1903 г., после трех лет занятий в Хельсинкском университете, он защитил магистерскую диссертацию об экономическом положении сельскохозяйственных рабочих в области Икаалинен. Его докторская диссертация была посвя-

⁶⁴ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

⁶⁵ Круглов А. Н. Кант и «внутренняя колонизация России» (рецензия на книгу Эткинда А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013) // Кантовский сборник. 2013. № 4. С. 87–99; Киселев М. А. Рецензия: Эткинд А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013 // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 144–158.

⁶⁶ Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

цена чрезвычайно актуальному для Финляндии начала XX в. торпарскому вопросу (истории финских крестьян-арендаторов – торпарей)⁶⁷. Во время учебы в университете Гюллинг увлекся не только вопросами экономики и статистики, но и социал-демократическими идеями, широко распространенными в начале XX в. среди студенческой молодежи. В 1904 г. он вступил в СДПФ и благодаря своим исследованиям по торпарскому вопросу вскоре стал ведущим партийным специалистом в области аграрной политики. На выборах 1908 г. Гюллинг впервые избрался в парламент от СДПФ, позже его избирали повторно – в 1911 и 1917 гг.⁶⁸ Перед ним открывалась и университетская карьера – с 1910 г. он являлся доцентом статистики Хельсинкского университета.

Внутри СДПФ Гюллинг занимал особую позицию, настаивая на сотрудничестве с партией «Аграрный союз» с целью проведения социальных реформ. Он был одним из немногих, кто старался до последнего не допустить поляризации финского общества и тем самым избежать гражданской войны. Из всей верхушки СДПФ лишь двое голосовали против инспирированного красными гражданского переворота (30 января 1918 г.), и одним из них был Гюллинг. После того как гражданская война всё же началась, Гюллинг в знак протеста в течение недели не занимал никаких постов, и лишь убедившись, что большинство рабочих не поддерживало его позицию, принял пост уполномоченного по финансовым вопросам в правительстве красных. Его стремления к компромиссу и миру с белыми окончательно сошли на нет после того, как белое правительство обратилось за помощью к правительству Германии, чтобы обеспечить окончательный разгром красных повстанцев. Когда советское правительство рекомендовало красным финнам прекратить сопротивление и эмигрировать в Россию, теперь уже Гюллинг выступил за решительное продолжение борьбы⁶⁹. Он единственный из всего партийного руководства отказался бежать в Россию, остался в подполье, а затем нелегально перебрался в Швецию.

В Швеции Гюллинг активно заинтересовался карельским вопросом, с которым он частично уже сталкивался во время переговоров с правительством Советской России. Вначале он не верил в победу большевиков в российской гражданской войне и проектировал объединение Скандинавии в федерацию с присоединением к ней автономной российской Карелии⁷⁰. Убедившись, что большевики в России побеждают с широкой, как ему казалось, народной поддержкой, он создал новый проект, в соответствии с которым автономная российская Карелия оставалась бы в составе Советской России и становилась плацдармом для эскалации социалистической революции на европейский север. По мнению Гюллинга, посредством образования «особой Карельской коммуны, границами которой были бы Белое море, Онежское озеро, финляндская граница и Ледовитый океан», советскому правительству удалось бы разрешить две главные проблемы: удовлетворить национальные интересы карельского населения и лишить Финляндию оснований претендовать на эти территории⁷¹. Он считал, что претворять в жизнь эти идеи должны те, кто хорошо понимает суть карельского вопроса, а именно красные финны. Следствием этих предложений и переговоров Гюллинга с наркоминделом РСФСР Чичериным, а также Лениным и Сталиным, стало решение советского правительства об образовании из местностей Олонецкой и Архангельской губерний, населенных карелами, автономного област-

⁶⁷ *Хейккинен С., Мауранен Т.* Научная деятельность Эдварда Гюллинга // Скандинавский сборник. Вып. XXXI. Таллин, 1988. С. 129–133.

⁶⁸ *Уола М.* Эдвард Гюллинг // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 172.

⁶⁹ *Кауттала П.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 314.

⁷⁰ *Hodgson J.H.* Edvard Gylling ja Otto W. Kuusinen asiakirjojen valossa 1918–1920. Helsinki: Kirja, 1974. S. 89–109.

⁷¹ Письмо Э. Гюллинга Ю. Сирола // Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г. Первый всекарельский съезд советов, 1118 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 257–258.

ного объединения – Карельской Трудовой Коммуны (далее КТК). Эдвард Гюллинг стал первым руководителем карельской автономной республики (1920–1935 гг.).

Таким образом, Советская Карелия возникла в результате переплетения и борьбы идей, истоки которых лежали в националистических устремлениях, дипломатических переговорах, колониальных практиках и революционных ожиданиях. Финские националисты XIX в. первыми начали рассуждать о Карелии в терминах национального самоопределения; их последователи XX в. воспользовались крушением Российской империи, чтобы мечом и дипломатией заявить свои права на Карелию; это в свою очередь подтолкнуло советское руководство к предоставлению карелам национальной автономии. Сами карелы начали проникаться идеями самоопределения лишь под действием этих факторов в годы гражданской войны⁷².

История не знает сослагательного наклонения, и поэтому сложно рассуждать о том, могла ли появиться автономная Карелия на советской политической карте 1920 г. без финского фактора, но ее концепции, траектории и даже административные границы сложились под влиянием идей финского национализма и их критического освоения в коммунистической риторике и практике. Разногласия, существовавшие в московском руководстве относительно статуса и уровня карельской автономии⁷³, не помешали тем не менее принять принципиальное решение о создании автономной республики. Поскольку местные власти к карельскому вопросу никакого интереса не проявляли, немногочисленные члены РКП(б) не вызывали доверия центра (практически все они относились к послереволюционному партийному набору), а в среде местных карельских националистов большевиков не было вовсе, при образовании автономии была сделана ставка на внешние силы – финских политэмигрантов, членов созданной в Москве в 1918 г. Коммунистической партии Финляндии (ФКП), которых большевистское руководство Советской России считало соратниками по борьбе. Красные финны имели солидный опыт партийной и государственной работы, среди них были бывшие депутаты финляндского Сейма, активные деятели ФКП и РКП(б), закаленные в революционных боях и гражданских войнах обеих стран. Образовательный уровень финнов, оказавшихся в руководстве КТК, также был существенно выше, чем у местных представителей власти: около 40 % из них имели высшее образование (против 1 % среди остальных), еще 30 % получили среднее образование (в целом по политическому руководству КТК эта доля была 10–15 %)⁷⁴. Привлечение красных финнов для управления новым автономным образованием позволило центру решить проблему отсутствия в регионе проверенных большевистских кадров и национальной интеллигенции, а также активно использовать трансграничные этнические связи политэмигрантов для распространения своего влияния на Финляндию и сопредельные государства.

Для самих красных финнов, воспитанных и получивших образование в финской культуре, которая испытала сильное влияние карелинизма XIX в., эта роль была естественной, поскольку она соответствовала их культурным стереотипам о Карелии как отсталой территории, которую нужно было поднять до уровня цивилизованного Запада, разве что Запад теперь понимался в социалистических терминах.

Наконец, в долгосрочной перспективе и советское руководство, и красные финны планировали, что российский север станет своего рода форпостом мировой революции, а Карелия превратится в «образцовую социалистическую республику, способную революционизировать соседнюю Финляндию и скандинавские страны»⁷⁵.

⁷² *Осипов А. Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии; *Витухновская-Кауттала М.А.* «Карелия для карел!»: Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab imperio.* 2010. № 4. С. 245–282.

⁷³ См.: *Кауттала П.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии. С. 318; *Килин Ю. М.* Карелия в политике советского государства. С. 77–87.

⁷⁴ *Бутвило А.И.* «Красные финны» в составе партийно-государственной элиты Карельской Трудовой Коммуны // *Российские финны: вчера, сегодня, завтра.* Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 46–47.

⁷⁵ НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 276. Л. 22.

Первые политэмигранты начали прибывать в Карелию уже в 1918 г., но до начала 1920-х гг. их было немного, скорее всего, не более 500 человек. В начале 1920-х гг. приток красных финнов в республику вырос, и к 1926 г. численность финской диаспоры Карелии увеличилась до 2,5 тыс. человек (0,9 % от всего населения края)⁷⁶. Основными местами расселения политэмигрантов были столичный Петрозаводск и Петрозаводский уезд (49 % всего финского населения республики, причем половина из них в самом Петрозаводске), а также крупные национальные карельские районы – Ухтинский (20,4 %) и Олонецкий (13,2 %)⁷⁷. Доля финнов в составе Карельского правительства (ЦИК АКССР) в 1923–1924 гг. составляла около 26 % и около 21 % – в уездных исполнительных комитетах. Позже, в 1925–1928 гг., она была в среднем 17 % в ЦИК и около 6 % в УИКах⁷⁸. Многие иммигранты, оставаясь членами ФКП, вступали в РКП(б). В 1924–1929 гг. доля финнов в республиканской парторганизации составляла в среднем 14 %⁷⁹.

В начале 1930-х гг. финское население Карелии существенно увеличилось за счет новых волн иммиграции – перебежчиков и североамериканских переселенцев. К 1935 г. в республике проживало около 15 тыс. финнов – половина всей российской диаспоры⁸⁰. Составляя в начале 1920-х гг. менее одного процента, а в 1933 г. лишь 3,2 % от всего населения края, финны на протяжении 15 лет занимали видные должности в советском партийном государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, учреждениями, организациями вроде МОПРа и Осоавиахима, работали в области культуры, образования, науки, оставив заметный след в истории своей новой родины (так называемый финский период истории Карелии, 1920–1935 гг.)⁸¹. Многие становились кадровыми военными – значительную часть рядового состава и почти весь офицерский корпус Карельской егерской бригады (национальных войск республики) составляли военнослужащие финской национальности.

Таким образом, своеобразие этнической и политической ситуации в Советской Карелии в 1920-е – начале 1930-х гг. заключалось в том, что у руля в республике с русским и карельским населением (причем карелы даже не составляли большинства, хотя и дали название автономии) находилась небольшая группа финнов-политэмигрантов, которые сыграли ключевую роль в строительстве национальной карельской автономии. Подобная ситуация могла сохраняться только при условии полного одобрения политики красных финнов в республике со стороны руководства страны. Как только отношение московских властей к приграничной автономии и деятельности правительства Гюллинга изменилось, пришел конец финскому периоду в истории Карелии.

⁷⁶ Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. 3. Б.м.: Изд. УНХУ АКССР, 1935. С. 16–17.

⁷⁷ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926. М., 1928. Т. 1. С. 178–181.

⁷⁸ Подсчитано по: АКССР. Статистический обзор 1923–24. Петрозаводск: Изд. Стат. упр. АКССР, 1925. С. 11–12; Статистический обзор 1925 и 1926 гг. Петрозаводск: Изд. Стат. упр. АКССР, 1927. С. 8–9; АКССР. Ежегодник 1929. Петрозаводск: Изд. Стат. упр., 1931. С. 18–19.

⁷⁹ Подсчитано по: *Ровио Г.* Основные моменты в работе Карельской организации ВКП(б) // Десять лет Советской Карелии. 1920–1930. Петрозаводск: Изд. ЦИК АКССР, 1930. С. 92 (таблица).

⁸⁰ *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России. С. 28.

⁸¹ Подробнее о становлении карельской автономии и роли финнов в развитии республики см.: *Левкоев А. А.* Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РА, 1995. С. 24–50; *Kangaspuro M.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki: SKS, 2000; *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Нева, 2002; *Baron N.* Soviet Karelia. Politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920–1939. London; New York: Routledge, 2007; *Такала И.* Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX в. / Ред. И. Яатс, Э. Таммикаар. Тарту: Эстонский национальный музей, 2011. С. 125–148.

Глава 2

Переселенческая политика советской власти и правительства АКССР

Особенности иммиграционной политики советской власти

Для России явление иммиграции уходит своими корнями в глубокое прошлое. Несмотря на многочисленное население, в стране всегда ощущался дефицит рабочих рук. Для амбициозных планов российских правителей часто не хватало квалифицированных специалистов, а обширные необжитые районы испытывали недостаток даже в неквалифицированных рабочих. Обе эти проблемы старались решить за счет привлечения иностранцев еще со времен Ивана Грозного – первые Иноземные слободы (места поселения иностранцев в русских городах) появились в России в XVI в. При Петре I приток иностранцев в страну существенно возрос, а при Екатерине II началась широкая колонизация европейцами (прежде всего немцами) пустовавших земель Поволжья и Причерноморья⁸². Столь же масштабной была и экономическая миграция в приграничные районы Российской империи во второй половине XIX в., в первую очередь корейцев, китайцев и финнов⁸³. Колонисты и переселенцы получали значительные льготы от правительства для освоения новых земель, включая освобождение от воинской повинности, право не платить налоги в течение длительного времени и др.

Перед советской властью также довольно быстро встала проблема формирования собственной иммиграционной политики. Еще в годы Гражданской войны во многих западных странах началось движение в поддержку «республики рабочих и крестьян». Нередко на митингах солидарности рабочие объявляли о своем желании отправиться в страну советов строить новую жизнь. Во многих случаях такие резолюции принимались во время забастовок, чтобы лишний раз припугнуть работодателей радикализмом. Однако было много и тех, кто действительно желал переселиться в Советскую Россию, в частности в Германию, которая в начале 1920-х гг. переживала тяжелый экономический кризис. О своем намерении ехать в Советскую Россию заявили тысячи немцев, а многие отправлялись в путь безо всякого разрешения с германской или советской стороны⁸⁴.

В 1919 г. в советских государственных учреждениях, ВСНХ и Наркомземе начались переговоры о переселении в Россию западноевропейских рабочих для работы в промышленности и сельском хозяйстве. Весной 1920 г. Совнарком принял ряд постановлений, определявших условия иммиграции сельскохозяйственных и промышленных рабочих из Западной Европы⁸⁵. Изначально они касались переселенцев из Германии, но впоследствии послужили основой при заключении договоров и с другими иммигрантами. Основным смыслом всех документов, регламентирующих иммиграцию германских квалифицированных рабочих определенных профессий, сводился к распределению их на работу группами на фабриках, заводах и в совхозах, чтобы обеспечить таким путем рост производства. Переселенцам предоставлялся

⁸² Bartlett R.P. *Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762-1804*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

⁸³ Поскольку Финляндия входила в состав Российской империи на особых правах как Великое Княжество (некоторые юристы даже трактовали ее статус как личную унию под властью династии Романовых), иммиграция из Финляндии в российские губернии регулировалась тем же законодательством, что и иммиграция иностранных подданных.

⁸⁴ Тарле Г. Я. *Друзья страны советов: Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920–1925 гг.* М.: Наука, 1966. С. 32–50; Sammartino A. H. *The Impossible Border: Germany and the East, 1914-1922*. Ithaca: Cornell University Press, 2010. P. 71–72.

⁸⁵ Декреты Советской Власти. Т. VIII. М.: Политиздат, 1976. С. 298–299, 340–343.

ряд льгот по сравнению с остальными гражданами РСФСР: освобождение на 5 лет от уплаты государственных и местных налогов, освобождение от отбывания воинской повинности при условии выполнения норм производства и исполнения законов. Предусматривались и повышенная оплата их труда и дополнительное снабжение, «связанное с увеличением производительности труда». Предпочтение отдавалось холостым и малосемейным рабочим⁸⁶.

Стремление правительства привлечь в страну трудовых иммигрантов, вооруженных дефицитными инструментами и передовыми знаниями, изначально наткнулось на сопротивление различных ведомств, каждое из которых старалось сделать так, чтобы льготы переселенцам оплачивал кто-нибудь другой. В документах Совнаркома, приложенных к постановлениям, отчетливо видна «конкуренция» ведомств и параллелизм в решении вопросов, связанных с переселением из-за рубежа⁸⁷. Некоторые исследователи, указывая на бюрократическое сопротивление со стороны советских ведомств, а также на общую экономическую разруху в России в годы Гражданской войны, считают это доказательством того, что переселенческое движение носило исключительно идеологический характер и не имело никакой экономической мотивации⁸⁸. Однако сами советские руководители неизбежно подчеркивали экономический характер иммиграции рабочих в Советскую Россию. Решающим в тех условиях оказалось заявление Ленина о том, что «десяток, сотня иностранных высококвалифицированных рабочих могли бы обучить сотню и тысячу рядом с ними работающих наших русских рабочих», а потому привлечение иностранцев и желательно, и необходимо⁸⁹. Впрочем, важна была и идеологическая составляющая иммиграции: тот же Ленин опасался, что из-за трудных условий жизни иммигранты начнут массово возвращаться домой и тем самым нанесут ущерб международной репутации Советской России. Именно поэтому он неоднократно настаивал на необходимости получения от германских делегатов, которые приезжали в Россию для ведения переговоров о переселении, расписки, подтверждавшей, что они знакомы со всеми трудностями жизни рабочих в России⁹⁰.

Другим потенциальным источником массовой иммиграции были США. Правда, ехать в Россию здесь собирались в основном не американцы, а не сумевшие вписаться в американскую жизнь эмигранты, в том числе и из самой России. Иммиграция и реэмиграция происходили под девизом помощи восстановлению советского хозяйства. В конце 1920 и начале 1921 г. в Россию прибыло примерно 16 тыс. иммигрантов из США, часто не имевших на руках разрешения на въезд. Все реэмигранты (возможно, за исключением политических) и иностранные иммигранты по собственному решению и в соответствии с условиями въезда в советскую страну приобретали технические средства для предстоящей работы и обеспечивали себя всем необходимым на два года⁹¹.

⁸⁶ *Тарле Г. Я.* Российские документы о правилах въезда и выезда за границу в 20-х годах XX в. (Анализ источников) // Сообщения ростовского музея. Вып. XIII. Ростов: Ростовский кремль, 2003. С. 119–140.

⁸⁷ Там же. С. 131; *Тарле Г. Я.* Друзья страны советов. С. 152–154.

⁸⁸ *Felshinsky Yu.* The Legal Foundations of the Immigration and Emigration Policy of the USSR, 1917–1927 // *Soviet Studies*. 1982. Vol. 34, no. 3. P. 331. Автор этой статьи, к сожалению, полностью проигнорировал советскую историографию об иммиграции из стран Запада в РСФСР и СССР.

⁸⁹ Цит. по: *Шишкин В. А.* В. И. Ленин и внешнеэкономическая политика Советского государства (1917–1923 гг.). Л.: Наука, 1977. С. 37.

⁹⁰ *Тарле Г. Я.* Друзья страны советов. С. 39.

⁹¹ Там же. С. 56–70, 133; статистика по иммиграции на с. 66; *Kukushkin V.* From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2007. P. 184–187.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.